

«ИЗ БЫВШЕГО УТИНОГО ГНЕЗДА», или Петербург Екатерины II

Петербург в начале царствования Екатерины II был живым, развивающимся городом, который непрерывно и быстро рос и хорошел. События дворцового переворота 28 июня 1762 г., когда под радостные клики народа на Невском проспекте на престол вступила Екатерина II, дали Петербургу новый стимул к развитию. Население его непрерывно увеличивалось, так что в конце XVIII в. Петербург обогнал по численности саму Москву – петербуржцев было больше 200 тыс. человек. Но все же не многолюдством был примечателен екатерининский Петербург. Несколько важных факторов определяли его судьбу в ту пору. Во-первых, во времена Екатерины II город стал одним из центров мировой политики. Здесь решались международные дела, влиявшие на положение всей Европы. Петербург был не просто самым северным крупным городом, портом, но и резиденцией великой государыни, более трети века со славой правившей огромной империей. При ней политическая, экономическая и военная мощь России достигла расцвета и поражала современников. Австрийский император Иосиф II как-то писал, что Екатерина II в состоянии произвольно назначать курс рубля и если она заведет кожаные деньги, то их будут принимать – так сказочно богата Россия.

Не было более пышного двора в Европе, чем русский двор в Петербурге. Расходы на него при Екатерине составляли немыслимую для других европейских монархий сумму, достигавшую порой почти 12 % всех государственных расходов! Имперское могущество ярко запечатлелось и в облике города: в памятниках воинской славы, в зданиях, в целых архитектурных ансамблях.

Об этом могуществе можно было судить и по пышным празднествам, парадам на площадях и улицах столицы, по общему стилю жизни петербуржцев. Екатерина II хорошо помнила мысль Петра Великого о том, что Петербург не просто город, а «фасада» империи, что по его виду судят о мощи и славе России, и считала себя продолжательницей великого дела Петра I. Именно эта мысль была выражена в краткой надписи на постаменте воздвигнутого при ней Медного всадника: «Петру Первому Екатерина Вторая», – и именно поэтому императрица не уставала украшать свое «бывшее утиное гнездо», «мою чопорницу, мою столицу» (как шутила она в письмах) и достигла на этом поприще больше, чем все ее предшественники и даже преемники.

Как известно, при Екатерине II в Петербурге воцарился иной, чем при императрице Елизавете Петровне (1741–1761), архитектурный стиль: вычурное барокко елизаветинского царствования сменилось строгим и величественным классицизмом. Это было мощное веяние моды, которое совпало по времени со сменой политических фигур на троне. Но был тут и личный момент. Екатерине II был ближе классический стиль, ее эстетические воззрения формировались под сильным влиянием просветителей – главного течения интеллектуальной жизни Европы во второй половине XVIII в., с характерными для него требованиями простоты, изящества, ясности как мыслей, так и линий. Примечательно, что смена стилей произошла как раз в то время, когда Сент-Илер взялся за свой грандиозный проект, и произошла эта смена почти в конфликтной ситуации. В начале 1760-х гг., выполняя поручение фаворита императрицы Елизаветы Петровны И. И. Шувалова, прославленный тогда архитектор Б. Ф. Растрелли спланировал в свойственной ему барочной манере новый Гостиный двор на углу Садовой улицы и Невского проспекта. Пришедшей к власти летом 1762 г. Екатерине II проект Растрелли не понравился по уже отмеченным выше причинам. В этом неприятии государыню горячо поддержали купцы, совсем, как догадывается читатель, не по эстетическим причинам – ведь это им предстояло платить немалые деньги за все барочные завитушки! И вот тогда проектирование и строительство Гостиного двора было поручено малоизвестному Ж.-Б. М. Валлен-Деламоту – французскому архитектору, ставшему с 1759 г. академиком Академии художеств. Обиженный великий Растрелли отошел от дел, он понял, что его время прошло – ведь архитекторы всегда самые зависимые от власти художники. Валлен-Деламот работал в стиле классицизма, который отвечал вкусам императрицы, соответствовал мировоззрению сторонников Просвещения. Это не означает, что здания елизаветинского барокко стали разрушать или кардинально перестраивать. Нет, как раз наоборот – особенность той эпохи состояла в умении архитекторов сохранить сделанное до них и сочетать новую и старую архитектуру. Считается, что классицизм в России в своем развитии прошел определенную эволюцию. Сначала в нем было сильно влияние идей французского классицизма. В этом стиле работал Валлен-Деламот, ставший, в сущности, ведущим архитектором первой половины царствования Екатерины II, времени составления плана Сент-Илера. Ему стали поручать важные постройки. С начала 1760-х гг. Валлен-Деламот приступил к строительству не только Гостиного двора, но и Малого Эрмитажа, Академии художеств (вместе с А. Ф. Кокориновым), Новой Голландии (вместе с С. И. Чевакинским), церкви Святой Екатерины на Невском проспекте, дома И. Г. Чернышева и других зданий, законченных им в большинстве своем к концу 1770-х – началу 1780-х гг.

На плане Сент-Илера мы видим как раз эти новостройки: кипит работа в Новой Голландии, возводится здание Академии художеств (виден его почти законченный круглый двор). Где-то за краем плана, на Большом проспекте Васильевского острова, Юрий Фельтен начал в 1768 г. строить лютеранскую церковь Святой Екатерины. Затем, примерно с 80-гг. XVIII в., на место возвышенной и несколько суровой архитектуры французской школы пришли ясные, изящные формы, уходящие к творчеству гения итальянской архитектуры XVI в. Андреа Палладио. В Петербурге 80-х гг. XVIII в. стали популярны многочисленные постройки Джакомо Кваренги: Академия наук, Эрмитажный театр, галерея Рафаэлевских лоджий, Александровский дворец в Царском Селе. Позже Кваренги построил Конногвардейский манеж и Смольный институт. С Кваренги соперничал Чарлз

Камерон – создатель знаменитой галереи и других сооружений в Царском Селе, а также Павловского дворца, строительство которого началось в 1780 г. В том же ряду архитекторов находился Н. А. Львов и многие другие.

Конечно, в царствование Екатерины II, на редкость богатое разнообразными талантами, было немало ярких мастеров со своей манерой, которая не укладывается в эту схему. Например, когда Сент-Илер закончил работу над планом, Антонио Ринальди начал возводить свое знаменитое творение – Мраморный дворец (1768–1785). Он пытался, и весьма удачно, совместить в своих работах принципы барокко и классицизма. Тем не менее новое направление классицизма все же отчетливо прослеживается в архитектуре Петербурга екатерининской эпохи, достаточно лишь вспомнить облик названных выше зданий, определяющих внешний вид города и до сих пор.

Новые архитектурные идеи при своем воплощении требовали иных, чем раньше, масштабов и форм. Речь идет о внедрении в городскую застройку архитектурных ансамблей, единых комплексов зданий, объединенных не столько прежней петровской идеей регулярности, сколько идеей гармонии. План Сент-Илера показывает нам, что ансамбли екатерининской и александровской эпох возникли не на пустом месте. Петровский, потом анненский, затем – елизаветинский Петербург заложил основы будущих знаменитых ансамблей как раз благодаря упомянутому выше принципу регулярности, требованиям единообразия при застройке разных частей города. Эти требования последовательно проводились в архитектурной политике до начала 1760-х гг. Разглядывая план Сент-Илера, мы видим, какой четкой и ясной была городская застройка первой половины XVIII в., понимаем, что бросающаяся в глаза прямизна и ширина петербургских улиц стала основой для дальнейшего совершенствования архитектурного облика Петербурга новыми поколениями архитекторов. Как отдельные кристаллы льда складываются в симметричный и прекрасный узор снежинки, так и наш город трансформировался из уже существовавших к 1760-м гг. отдельных кварталов и построек в архитектурные ансамбли.

Естественно, что возникновение ансамблей было результатом как влияния новой идеологии строительства Петербурга, так и требований жизни. Увеличение населения, рост промышленности и торговли в городе требовали развития коммуникаций, окончательного уничтожения унаследованной от Петра I слободской системы с характерными для нее чертами обособленности районов города, разделенных пустотами в виде сохранявшихся болот и участков, неудобных для застройки. На плане Сент-Илера таких лакун видно довольно много. К началу екатерининского царствования идеи застройки города, разработанные во второй половине 1730-х гг. «Комиссией о Санктпетербургском строении», себя уже исчерпали, и с 1762 г. за дело планирования столицы взялась новая «Комиссия о каменном строении Санктпетербурга и Москвы», ставшая государственным органом планировки обеих столиц. В Комиссии работали А. В. Квасов, который перепланировал застройку центральной части Петербурга, И. А. Старов (создатель Таврического дворца и Троицкого собора Александро-Невской лавры), а также другие крупные архитекторы. В ноябре 1763 г. Комиссия объявила конкурс на составление проекта нового генерального плана, целью которого было «намерение привести город Санкт-Петербург в такой порядок и состояние, и придать оному такое великолепие, какое столичному городу пространнейшего государства прилично».

Имперская идея «фасады» была воплощена в утвержденном Екатериной II проекте Квасова. Автор проекта не упустил ничего, что способствовало бы уплотнению застройки, «наполнению середины его знатным строением». Он предполагал создание цепи центральных площадей, которые потом вытянулись в великолепную анфиладу Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской площадей. Не забыл он и о такой прагматической, но важной для города задаче, как «непрерывное связывание улиц» с помощью сквозных магистралей, мостов и проездов вдоль левого берега Невы от Галерного двора до Литейного. Уже из названия Комиссии видно, что город перестраивался в камне. Это было чуть ли не главное условие нового проекта, равно как и повсеместное строительство каменных набережных Невы и рек в центре города. Деятельность Комиссии

Квасова на десятилетия вперед определила развитие города. Как и при Петре Великом, городские архитекторы утверждали все проекты частной застройки, но теперь обязательными оставались только общие размеры фасадов и архитектурный ордер здания. От застройщиков требовалось также соблюсти закон красной линии и высотности всей «сплошной фасады» улицы. Все остальное отдавалось на волю хозяев, хотя и здесь строго предписывалось, чтобы владельцы домов между Невой и Фонтанкой строили себе жилища не ниже двух этажей и «чтобы заборы были сплошные каменные или решетки железные на каменных столбах».

План Сент-Илера фиксирует только начало этой застройки. Он показывает, что начинания екатерининской комиссии легли на прочную базу прошлого, что Петербург при правлении преемников Петра Великого развивался как «регулярный город», а утвержденные еще великим основателем градостроительные нормы строго соблюдались, идет ли речь о принципе застройки по «красной линии» или о типологии жилых и хозяйственных построек, подчас похожих друг на друга, как близнецы.

При этом, как и раньше, огромное внимание уделялось фасадности Петербурга: вдоль Невы и по главным улицам должны были стоять самые красивые, богатые и видные дома и дворцы, а что было за ними или выше по Неве и другим протокам, уже не интересовало никого. Аксонометрический план Сент-Илера, запечатлевший город с высоты птичьего полета, показывает, что там, за «фасадой» – красивыми каменными домами, выходящими на набережную, – почти сплошь деревянные домики, участки, обнесенные заборами, с одинаковыми низкими постройками: подлиннее – людская изба (каждый третий в петербургской толпе того времени – крепостной), конюшня с каретным сараем (если, конечно, карета есть), баня и непременно – огород с ровными и аккуратными грядками моркови, репы, свеклы, капусты – основными видами овощей, которые успевали вызреть на этой небогатой земле.

Как и в первой половине XVIII в., власти 1760-х гг. уделяли большое внимание внешнему виду улиц. Жители были обязаны мостить тротуары и проезжую часть перед своим домом, для чего они нанимали каменщиков. Обычно это были пришедшие в город на заработки крестьяне Ярославской, Тверской и иных губерний. В центре почти все улицы были замощены «диким камнем» – булыжником, в некоторых местах – каменными плитами. На окраинах обстояло иначе: на немощеных улицах росла трава, стояли огромные лужи. В дождливое время эти петербургские улицы мало чем отличались от улиц провинциальных городов: в непролазной грязи на них тонули экипажи и пешеходы. Да и на центральных проспектах осенью и весной была грязь и вода: сточные канавы вдоль тротуаров не образовывали единой сети, а система канализации еще не сложилась. Первые канализационные работы были проведены в 1770 г., когда вдоль улиц под землей проложили кирпичные трубы диаметром около одного метра. Над трубами устроили колодцы, прикрытые чугунными решетками. Через них вода с улиц попадала в трубы и стекала в реки и каналы. С 1766 г. начались работы по спрямлению и углублению Глухой речки, которая стала Екатерининским каналом. Во времена Сент-Илера стоки уличных вод сбрасывались в реки и каналы по специальным канавам, аккуратные, забранные в дерево берега которых видны на плане.

Прелесть екатерининскому городу придали новые гранитные набережные. На планах Сент-Илера мы их еще не видим – первой одели гранитом набережную по левому берегу Невы от Галерного двора до Литейного двора (с разрывом напротив Адмиралтейства для спуска кораблей). Ее начали возводить как раз в 1763 г., а закончили к 1788 г. вместе с тремя каменными мостами – Эрмитажным через Зимнюю канавку, Верхне-Лебяжьим через Лебяжью канавку и Прачечным через Фонтанку у Летнего сада. Этой работой занимались Валлен-Деламот и Ю. М. Фельтен. Дата завершения первого участка (1764) сохранилась до наших дней на набережной у нынешнего Эрмитажного театра. В 1779 г. приступили к облицовке гранитом выходящих на Неву стен Петропавловской крепости. По листам плана Сент-Илера мы хорошо видим старую, идущую еще с петровских времен, систему деревянных набережных: плотно вбитых в берег паженных свай (каждая

свая имеет с одной стороны паз, а с другой стороны – выступ, в который входит паз соседней сваи). Деревянные набережные были подлинным наказанием Петербурга: сваи сгнивали за 5–6 лет, их подмывали речные волны, таранили льдины во время ледостава и ледохода. Набережные и причалы приходилось всю зиму очищать ото льда – иначе весной их, как гнилые зубы, вытаскивали пришедшие в движение льдины.

Внешний вид Петропавловской крепости начал преобразоваться уже к концу работы команды Сент-Илера, хотя и не сохранился среди публикуемых материалов. Дело в том, что молнии трижды – с роковым промежутком в десять лет (в 1736, 1746 и 1756 гг.) – били в шпиль колокольни Петропавловского собора. Трагической оказалась грозовая ночь 30 апреля 1756 г. Построенный голландцем ван Болесом деревянный шпиль колокольни загорелся и огненным столбом рухнул на собор. Вместе со шпилем погиб и Ангел работы Д. Трезини. Колокольню долго не восстанавливали. Проекты, представленные лучшими архитекторами того времени С. И. Чевакинским, А. Ринальди, Ю. Фельтеном, А. Вистом и др., были отклонены Екатериной II. Все они предполагали существенную перестройку и изменение внешнего облика колокольни и не нравились императрице. В 1766 г. она подписала указ о начале восстановления колокольни: «Делать оную точно так, какова прежняя была, понеже все прочие планы не так красивы». Благодаря разумному консерватизму Екатерины башня Трезини, восстановленная по чертежам немецким мастером Б. П. Брауэром и бригадой плотников А. Еремеева, дошла до нас в своем неизменном могучем виде. Еремеев был прекрасным мастером, но, как пишет Е. Н. Элькин, «человеком ненадежным». Ему пришлось сидеть под караулом за взятых на поруки двух целовальников, а когда он выходил из крепости, его сопровождал солдат, чтобы Еремеев нечаянно «не отлучился». Куда мог «отлучиться» на несколько дней талантливый плотник, приятель целовальников, содержателей кабаков, можно только догадываться. Зато слияние немецкого инженерного гения и русской смекалки дало выдающийся результат: законченные в 1772 г. деревянные конструкции шпиля не только вызывали восхищение современников, но и через семьдесят пять лет пленяли специалистов своим простым и ясным решением, необычайно чистой и прочной работой. Ангел, как и весь собор, с 1777 г. был впервые защищен от молнии громоотводом.

Иными становятся при Екатерине II и парки Петербурга. Императрица не любила французские парки с их четкой геометрией дорожек и фонтанами, которые, по ее словам, только «мучат воду». Поэтому судьба французских садов была решена. Они начали преобразовываться по новой моде в английские. То, что мы видим на планшетах Сент-Илера, уникально: такими идеально геометрически ровными Летние сады (а их было, как известно, три) существуют последние годы, вскоре после завершения работы Сент-Илера они исчезнут навсегда. После Первого Великого наводнения 1777 г., нанесшего страшный ущерб петровскому Летнему саду, его разрушенный грот, в котором стояла Венера Таврическая, и его фонтаны уже не восстанавливали, как и геометрические посадки деревьев и кустов. Как последний привет нам от петровского Летнего сада – один из листов коллекции Сент-Илера. Мы видим на нем часть сада вдоль Фонтанки, с этим знаменитым гротом, впоследствии ставшим Кофейным домиком, с фонтанами, павильонами и вытянутыми по берегу почти до самого Летнего дворца Петра I Людскими покоями...

В соответствии с новыми эстетическими воззрениями царице больше нравился пейзажный, «английский» парк, с его извилистыми дорожками, озерцами, уютными уголками, простотой, естественностью, близостью к «натуре». Садовые мастера И. Буш и Т. Ильин начали создавать по воле императрицы в пейзажном стиле так называемый Старый сад и Английский сад в Царском Селе. Образ природы в концепции Просвещения был далек от реальности, пейзажный парк возникал как «выстроенная природа» со специальными посадками деревьев, нарочитыми живыми изгородями. Чтобы за поворотом «сами собой» появились перед гостями интимные уголки, «журчащие ручьи», «готические руины», «мельницы» и «молочные» домики, требовались огромные усилия и немалые деньги.

Классицизм стал модным и в городских садах. Но на плане Сент-Илера парковая новизна эпохи еще не видна: все нововведения только-только начинались. Французские парки видны рядом со многими богатыми домами Петербурга. На Васильевском мы, как будто с высоты птичьего полета, можем разглядеть еще впечатляющие остатки некогда прекрасного, украшенного беломраморными статуями (их увезли в Петергоф) сада первого петербургского губернатора А. Д. Меншикова. Вся его усадьба с 1731 г. полностью принадлежала Кадетскому корпусу. Видно, что за садом ухаживали, и до эпохи Екатерины дошли крытые, увитые подстриженной зеленью галереи – берсо, зеленые туннели со сплошным сводом. Они сочетаются с перголами – такими же крытыми зелеными галереями, но имеющими, в отличие от берсо, просветы в своих сводах. Эти галереи тянутся вдоль значительной части здания Двенадцати коллегий. При выходе из галерей и на пересечении их с другими, идущими вдоль Невы, мы видим зеленые уютные беседки – своеобразные ротонды – и еще один садовый павильон с башенкой наверху. Все галереи аккуратно обнесены тщательно подстриженной живой изгородью из кустарника.

Западнее берсо отчетливо видны разнообразные партеры – открытые пространства сада, занятые геометрическими фигурами из толченой черепицы, кирпича или камней, а может быть, по английским обычаям, и травы. Фигурно подстриженные пирамидки можжевельника или тиса отмечают «вырезы» партера. Вереница же елей, самых любимых (благодаря своей природной симметричности) во французском парке растений, отделяет весь сад от прочих построек в глубине острова. Примерно так же были устроены и сады богатых петербуржцев. Это можно видеть у Сент-Илера.

Империя не существует без монументов, и эпоха Екатерины создала их во множестве. На смену петровскому деревянному обелиску в память Гренгамской победы 1720 г. на Троицкой площади и столь же непрочным триумфальным воротам на Невском проспекте, украшенным живописью и деревянной скульптурой, при Екатерине II в Петербург приходят бронзовые и мраморные монументы, создаваемые по древнеримским и французским образцам. Так, Б. К. Растрелли более тридцати лет (с 1716 по 1747 г.) работал над конной статуей Петра Первого, повторяя стиль скульптуры Марка Аврелия в Риме. Но творение Растрелли, как и другой конный монумент скульптора А. Мартеллиа, не были при Елизавете поставлены на площадях, а к царствованию Екатерины II эти памятники в стиле барокко уже устарели, и растреллиевский Петр так и простоял больше полувека в сарае, пока в 1800 г. его не извлек на свет божий Павел I и не водрузил перед Михайловским замком.

Екатерина II была весьма внимательна к монументальному увековечению своего царствования. В Царскосельском парке одна за другой появлялись памятные колонны: Морейская (1771), Чесменская (1771–1778), Кагульский обелиск (1771). В городе на Марсовом поле был поставлен обелиск «Румянцева победам» (1799), а спустя два года, уже при Павле I, памятник А. В. Суворову.

И все же самым важным монументом екатерининской эпохи нужно признать знаменитый Медный всадник, сразу же и на века ставший символом имперского Петербурга. Он создавался по проекту французского скульптора Этьена Мориса Фальконе, приехавшего в Россию в 1766 г. Проект одобрила Екатерина, и в 1775–1778 гг. статую отлили и обработали. Сам Фальконе, однако, не сумел закончить начатую работу – в 1778 г. он покинул Россию. Дело его завершил Ю. М. Фельтен, создатель знаменитой решетки Летнего сада. Открытие памятника Петру состоялось летом 1782 г., оно было обставлено как триумф империи и ее повелительницы и напоминало грандиозное театральное действие. Перед стоявшими в парадном строю войсками и бесчисленными зрителями, заполнившими площадь, предстала «дикая каменная гора», которая была не чем иным, как огромным футляром, декорацией из раскрашенной парусины. Когда на площадь прибыла государыня, в небо взвилась ракета, и вдруг, как писали «Санкт-Петербургские ведомости», «невиданным действием, к удивлению зрителей, изображенная каменная гора, унижаясь... и, наконец, исчезнув со всех сторон без остатка, так что не малого следа не осталось (проще говоря – развалившись,

как карточный домик. – Е. А.), показала изумленным очам зрителей Петра на коне, как будто бы из недр оной внезапно выехавшего на поверхность огромного камня с распростертой повелительной десницею». В тот же момент небо раскололось от грохота пушек Петропавловской и Адмиралтейской крепостей, а также боевых судов на Неве, раздался треск беглого ружейного огня всех салютовавших полков. Парадом командовал фельдмаршал светлейший князь Г. А. Потемкин.

Не менее грандиозны были и другие празднества времен Екатерины II. Как и во времена Елизаветы, при дворе устраивались балы и маскарады, на которых бывало сразу несколько тысяч гостей. Своей главной резиденцией императрица избрала Зимний дворец, законченный Б. Ф. Растрелли в 1762 г. Дворец представлял собой выдающееся произведение архитектуры. Невская анфилада залов (в том числе Тронный зал) тянулась на 160 метров вдоль Невы. От Парадной лестницы начиналась Большая анфилада парадных залов с церковью. Все залы были пышно украшены резьбой и росписями. Растрелли, из-за его отставки, не удалось осуществить всех планов внутреннего убранства дворца в стиле барокко и рококо. И тем не менее дворцовые залы стали великолепной сценой для придворных торжеств. «Вся обстановка бала, – вспоминает знаменитый авантюрист Джакомо Казанова, попавший на бал в Зимний дворец в 1765 г., – представляла зрелище причудливой роскоши в убранстве комнат и нарядах гостей, общий вид был великолепный». Англичанин У. Кокс, посетивший придворный бал в 1778 г., был того же мнения: «Богатство и пышность русского двора превосходят самые вычурные описания. Следы древнего азиатского великолепия смешиваются с европейской утонченностью... блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней оставляют за собой великолепие других европейских государств». И хотя во дворце собралось в тот день около восьми тысяч человек, вся эта толпа не смешивалась с высшей знатью, которая отплясывала под ту же музыку, но за низеньким барьером. Лишь единицы из этой толпы гостей попадали на праздники и вечера в Эрмитаже; там можно было увидеть императрицу, поговорить с ней, сыграть в фанты, карты или на бильярде и даже оказаться рядом с государыней в русском хороводе. Эрмитаж – приют уединения и покоя – Екатерина устроила не в отдаленном пригороде, а рядом с Зимним дворцом. Висячий сад с аллеей берез, Зимний сад с редкими растениями и птицами, а главное – бесчисленное множество произведений искусства создавали мир нового парадиза. В зданиях Малого (Ж.-Б. М. Валлен-Деламот, 1764–1767) и Старого (Ю. М. Фельтен, 1771–1784) Эрмитажей были собраны коллекции картин выдающихся мастеров, античная скульптура, бюсты работы Федота Шубина, собрания камней, монет. Там же была Алмазная комната, в которой сверкали все драгоценности русских царей. Великолепна была и библиотека Екатерины II. Известны три вида екатерининских посиделок, три «эрмитажа» – Большой, Средний и Малый. Если человека приглашали на Малый эрмитаж – самый немногочисленный, то это считалось редкой милостью, которой следовало умело воспользоваться. Перед назначением какого-нибудь крупного чиновника его приглашали на «эрмитаж» и в непринужденной беседе, «без чинов» и церемоний, проницательная государыня знакомилась с человеком, узнавала, чем он дышит, как ведет себя с людьми, и уже после этого выносила окончательное решение о назначении. Императрица составила забавные правила поведения для гостей на «эрмитажах»: «1. Оставить все чины вне дверей примерно как и шляпы, а наипаче шпаги. 2. Местничество и спесь оставить тоже у дверей. 3. Быть веселым, однакож ничего не портить, не ломать и не грызть. 4. Садиться, стоять, ходить как заблагорассудится, не смотря ни на кого... 10. Сору из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое, прежде нежели выступит из дверей». Наказанием за нарушение этих правил было не питье, как при Петре Великом, кубка «Большого Орла», а выучивание стихов из «Телемахиды» В. К. Тредиаковского – сочинения, написанного невыносимо трудным и архаичным русским языком. Столичная знать развлекалась за картами и в клубах, среди которых выделялся открытый на Галерной в 1770 г. «Английский клуб» всего с полусотней членов. Некоторые «простаивали» кандидатами в члены клуба всю жизнь, хотя проиграться в карты в пух и прах можно было и во многих других к этому приспособленных заведениях. Любители музыки

объединялись в музыкальные, филармонические клубы, члены которых делали взносы на содержание оркестра и могли слушать его без ограничений. Праздники в домах вельмож не уступали в великолепии дворцовым. Самые богатые дворяне, жившие в изображенных Сент-Илером и его помощниками богатых домах, держали «открытый стол». Это, по словам Пикара, одного из путешественников, посещавших Россию во второй половине XVIII в., означало, что если человек получил от хозяина приглашение пообедать, то он тем самым приглашается обедать на всю свою жизнь и может отныне появляться за столом без приглашения хоть каждый день, «причем, – пишет мемуарист, – чем чаще бывали мы за этими радушными обедами, тем становились более дорогими гостями и как будто сами делали одолжение, а не принимали его».

Как и раньше, театр был одним из главных развлечений столичных жителей. Если в Эрмитажном театре, построенном Дж. Кваренги в 1783–1785 гг. на месте петровского Зимнего дворца, собиралась на французские пьесы только избранная, сверкающая бриллиантами публика, то в других театрах было попроще. С восторгом смотрели зрители «Вадима» Я. Б. Княжнина, «Мота, любовью исправленного» В. И. Лукина и, конечно, творения гениального Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль», вызывавшие гром аплодисментов, а точнее, по традиции того времени – дождь бросаемых на сцену кошельков. Происходили театральные представления в Вольном российском театре на Царицыном лугу (Марсовом поле), открытом в 1770 г. В начале 1763 г. в Петербурге впервые открыли Большой (Каменный) театр на будущей Театральной площади (на плане это площадь Большого театра), поразивший всех своей величиной и внутренним убранством. Современник писал: «Театр построен в новом роде, совершенно еще не известном в здешнем краю. Сцена очень высока и обширна, а зала, предназначенная для зрителей, образует три четверти круга». По обычаю тех времен в театре ставились и оперы, и драматические спектакли, и балеты. Самой популярной в Петербурге была комическая опера А. О. Аблесимова на темы народных сказок «Мельник, колдун, обманщик и сват».

Когда рассматриваешь на плане Сент-Илера многочисленные постройки Кадетского корпуса на Васильевском острове, то пытаешься угадать, где же все-таки должно быть здание театра; в исторических документах можно найти только самый общий адрес: «В. О., Кадетская линия, д. 1, во дворе». Между тем ведь здесь, в сущности, и зародился русский драматический театр, здесь впервые были поставлены пьесы А. Сумарокова – первые пьесы на русском языке, здесь выступал великий актер Федор Волков. Кроме того, этот двор – место знаменитое и в истории русского спорта. В конце XIX в. здесь состоялся первый в России футбольный матч.

Музыку для спектаклей в петербургских театрах писали при Екатерине итальянские композиторы Б. Галуппи, Т. Траетта, Дж. Паэзиело. Их произведения звучали и при дворе – на балах, маскарадах и обедах. Своими кантами славился Джузеппе Сарти, а в церковной хоровой музыке и камерных операх не было тогда равных Дмитрию Бортнянскому – руководителю Придворной певческой капеллы, которая открылась тоже во времена работы команды Сент-Илера. Бортнянский, как и другой композитор, М. С. Березовский, был выходцем с Украины, получил образование в Италии. Без его творчества немыслима история русского искусства, возникновение отечественной оперы. При дворе и в лучших домах Петербурга наслаждались игрой виртуозного скрипача, бывшего крепостного, Е. И. Хандошкина, а когда с хоров дворянских особняков раздавались звуки популярнейшего полонеза О. А. Козловского «Гром победы раздавайся» на слова Гавриила Державина, мало кто мог оставаться равнодушным – так торжественна и величава была эта музыка.

Казанова писал, что летом 1766 г. Екатерина поручила А. Ринальди построить на Дворцовой площади деревянный амфитеатр для каруселя (в те времена слово «карусель» относили к мужскому роду). Это был один из семи каруселей, состоявшихся за два века истории Российской империи. Естественно, карусель XVIII в. – совсем не тот аттракцион, к которому привыкли наши читатели. Это был грандиозный праздник, пришедший на смену европейским рыцарским турнирам.

Он открывался на огромной круглой арене (от итал. *carosello* – круг) ярким театральным действием, шествием герольдов, трубачей, парадом участников. Карусель состоял из нескольких туров, называемых кадрилиями, в 1766 г. их было четыре: славянская, римская, турецкая и индийская. Участники его, мужчины и женщины высшего света, одетые в старинные наряды, должны были обладать совершенными навыками верховой езды, управления колесницами, иметь хорошо выдрессированных лошадей благородных кровей. Во время непрерывного движения по огромному кругу арены колесницы и кони совершали невероятно сложные маневры, а всадники выполняли на полном скаку различные трюки с пиками, кольцами, шарами – и все это к восторгу тысяч зрителей на трибунах. В продолжение всего этого зрелища играли оркестры. На главной трибуне сидела императрица и судьи, называвшие победителей кадрилией. Их награждала драгоценными подарками сама государыня. Лучшими наездницами первого каруселя 1766 г. были признаны три дамы: графини Н. П. Чернышева, Е. А. Бутурлина, А. В. Лопухина. Во втором каруселе триумфатором объявили Григория Орлова.

Для народа на Дворцовой площади устраивались представления попроще. В праздничные дни толпе отдавали на растерзание водруженного на помост зажаренного быка, которого набивали жареной же птицей и мясом. Неподалеку из специальных фонтанов в бассейны били струи вина. Такие дармовые раздачи всегда заканчивались безобразной свалкой и побоищем вокруг тела быка и особенно вокруг его головы, за доставку которой во дворец полагалась сторублевая премия. Как обходился народ с фонтанами и бассейнами вина, догадаться нетрудно.

Во второй половине XVIII в. Петербург становится городом с развитой системой самоуправления. Началом стало введение с 1768 г. новой должности городского головы, которого выбирали на два года все домовладельцы. Первым петербургским головой стал генерал-майор Зиновьев. Тогда же для участия в работе Уложенной комиссии 1766 г., которая составляла новый свод законов – Уложение, от Петербурга, как и от других городов, были выбраны депутаты. Купечество сумело выразить свои требования в особом наказе, который получили депутаты от городских жителей. Они должны были защищать купеческую торговлю от натиска иностранных конкурентов и выходцев из крестьян, быстро осваивавших выгодный городской рынок. Требовали горожане и освобождения от тягостных налогов, и особенно от разорявших их постоев войск – не забудем, что Петербург оставался военной столицей империи, местом дислокации гвардии и армии, а также флотских экипажей. По-видимому, к моменту составления купеческого наказа обострились нужды города как единого организма. Жители требовали от властей улучшения системы здравоохранения, борьбы с грязью, преступностью, завышенными ценами, а также предоставления кредитов тем, кто строился. Екатерина, как известно, была сторонницей создания в обществе полноценного «среднего класса» и много для этого сделала, проведя губернскую реформу 1775 г. и подписав Жалованную грамоту городам (1785). Накануне губернской реформы, в 1774 г., в Петербурге был учрежден Городской магистрат, который избирался из купечества и мещанства, затем появился и Губернский магистрат, в чьем ведении был не только Петербург, но городское население губернии. В 1775 г. образовались Приказы общественного призрения, в ведение которых входили школы, больницы, исправительные дома, богадельни. Систему общественного призрения финансировали город и жертвователи – богатые и не очень горожане и различные учреждения.

В 1782 г. город получил новое административное деление. Отныне он состоял из десяти «частей», разбитых на сорок два квартала. Части были следующие: 1-я Адмиралтейская (Адмиралтейский остров), 2-я Адмиралтейская (территория между Екатерининским каналом и Мойкой), 3-я Адмиралтейская (между Екатерининским каналом и Фонтанкой), Васильевская, Петербургская (Петроградский остров), Выборгская, Литейная, Московская, Рождественская и Каретная (две последние – по Невскому проспекту). Тогда-то и появились в городе частные приставы (от слова «часть») – старшие полицейские чины, возглавлявшие полицию в каждой части, и подчиненные и квартальные надзиратели (начальники над кварталами), которым, в свою очередь, подчинялись

более пятисот ночных сторожей, дежуривших в специальных будках на оживленных перекрестках города. Там же можно было прочесть на специальных столбах названия улиц. Полиция входила в состав Управы благочиния, следившей за пожарной, санитарной и общественной безопасностью города, определявшей как режим жизни города, так и его внешний облик. Управе подчинялся городской архитектор, без разрешения которого нельзя было строиться в городе.

В годы царствования Екатерины на домах появилась нумерация, и в 1791 г. номера стояли на воротах уже 4554 домов. На самом деле домов было больше, но учитывались не все из них. Коренные изменения в жизнь Петербурга, как и других городов России, принесла Жалованная грамота городам 1785 г. Благодаря ей город стал фактически управляться выборными органами. Жалованная грамота привела к образованию шести категорий городского населения, которые были внесены в именную книгу и составили «общество градское». Преодолевшие имущественный ценз члены «общества градского» на общем собрании выбирали членов городской думы, городского голову, членов магистрата, старост, и хотя правом голоса пользовались только 12,5 тыс. человек из 200-тысячного населения Петербурга, создание самоуправления стало выдающимся событием в истории города. У города впервые появился бюджет, который формировался из доходов от пошлин и продажи спиртного, платы за перевозки и налогов.

К этому времени Петербург уже не нуждался, как раньше, в особой экономической поддержке, его не нужно было искусственно «защищать» от конкуренции Архангельска, как это было в петровское время. Торговые потоки, теперь уже без принуждения, со всей страны направлялись в этот крупнейший порт. На Петербург приходилась половина внешней и две трети морской торговли страны. Торговать в Петербурге становилось выгодно купцам со всей страны. Как и раньше, торговая гавань в Кронштадте и порт в Петербурге у Стрелки Васильевского острова и по Малой Неве были переполнены иностранными судами, которые приходили из 18 стран Европы. В 1760 г. в порт зашли 338 судов, а в 1797 г. – уже 1267, причем более половины из них были английскими. Стали появляться корабли даже из Северо-Американских Соединенных Штатов. Некоторые шкиперы из Бостона, Салема, Рокпорта и других городов сделали торговлю с Россией своим основным занятием, они совершали плавание через океан десятки раз, называли свои корабли «С.-Петербург», «Нева» и т. д. Они везли в Америку множество разных российских товаров, преимущественно – железо, холст, юфть, кожу, канаты, парусину, пеньку, сало и лен. Кроме того, из Петербурга в Америку завозили миллионы гусиных перьев. Это позволяет в шутку предположить, что Декларация независимости США 4 июля 1776 г. была подписана перьями русских гусей. Многочисленные стоянки торговых кораблей вдоль берега Малой Невы у Гостиного двора на Васильевском острове видны на плане Сент-Илера.

Петербург стал также крупнейшим центром внутренней торговли – преимущественно, как и раньше, потребителем продуктов сельского хозяйства и сырья из ближних и дальних губерний и собственных окрестностей. Через Вышневолоцкую систему в Петербург ежегодно проходили миллионы пудов разных грузов. Здесь же был главный перевалочный пункт для шедших из-за границы товаров. Товары эти – сахар, шелк, сукно, вина, табак, кофе, галантерея и предметы роскоши, лимоны, устрицы, анчоусы. Ясно, что потребителями анчоусов и устриц и вообще большей части русского импорта были вовсе не крестьяне и не бедные горожане. Как и ранее, промышленность города работала на военные, военно-морские нужды, насыщала всем необходимым двор, дворцы, дома знати, обеспечивала петербургские стройки материалами. Историк В. В. Покшишевский подсчитал, что на рынок работало около 40% предприятий, двор и знать обслуживали 28%, военные нужды – 13%, строительство – 19% от общего числа предприятий. По-прежнему развивалось военное судостроение в Адмиралтействе. К 1800 г. строительство крупных судов перевели на место старого Галерного двора, ниже по Неве. Место это пустовало с 1740 г. Галеры строили на Васильевском острове. Литейное, кузнечное и токарное дело сосредоточивались на Литейном дворе, а также на Сестрорецком и Обуховском заводах. Там делали пушки, ружья, якоря. Много

в Петербурге было пороховых заводов – «зелья» было столько, что во время похорон Елизаветы Петровны в феврале 1762 г. более ста орудий Петропавловской и Адмиралтейской крепости салютовали пять часов подряд через каждую минуту. В 80-х гг. XVIII в. был основан крупный частный металлургический завод англичанина Берда, который прославился впоследствии своими машинами и пароходами. Другие мануфактуры были преимущественно мелкими, но и они вдоволь давали городу полотно, позумент, шляпы, кожи, мыло, сахар, сургуч, воск, стекло и другие товары. Эти предприятия были разбросаны по всему городу, и на плане Сент-Илера их без дополнительных данных определить трудно, но обычно мануфактура была низким длинным зданием с сараями и казармами для работных людей вокруг. В царствование Екатерины в Петербурге начали делать большое количество фарфора. Роскошные сервизы русского производства – продукция казенного фарфорового завода – украшали обеденный стол во дворце. В 1771 г. открылась первая частная типография Гартунова, а всего к концу века в Петербурге насчитывалось 18 типографий.

Глядя на план Сент-Илера, мы как будто слышим сквозь толщу веков шум торгового Петербурга, старательную «работу» Невы, несущей суда, лодки и плоты. Совсем рядом со зданием Двенадцати коллегий виден лесной склад – аккуратные стопы бревен и досок. Другой склад – ниже по течению, возле Кадетского корпуса. В Неве на якорях стоят три корабля. Два ближних к нам по своей конструкции очень напоминают традиционные голландские «галоши» – прочные и вместительные торговые парусники. Возможно, они пришли за русским лесом, как делали голландцы с незапамятных времен, и теперь ждут своей очереди у лесного пирса. Таких лесных складов вдоль Невы было много, и внезапные петербургские наводнения разносили, к вящему горю лесоторговцев, лес и дрова – вдоль всего побережья. Тут уж не зевай – можно насобирать бревен на целый дом или запастись дров на всю зиму!

Место у Двенадцати коллегий, как и сейчас, было шумным. Архитектурные ученики из команды Сент-Илера тщательно и с любовью прописывали каждый дом, крыши, заборы, канавы, грядки на огороде, но не рисовали людей. Поэтому листы плана пустынные, напоминают дагерротипы первой половины XIX в.: долгая выдержка не позволяла зафиксировать движущуюся толпу или едущие экипажи. Между тем нам известно, что этот пятачок на Васильевском острове с первых лет Петербурга был всегда оживленным, особенно если учесть близость государственных учреждений с сотнями чиновников. Здесь наверняка толпился народ. На плане видно, что к причалу привязаны две барки с сеном и еще одна пустая. На берегу стоит весовая с огромными весами, на которых взвешивали возы с сеном, – на Васильевском острове с покосами было трудновато, и здесь шла бойкая торговля.

Уличное освещение, как и мостовые, распределялось по городу неравномерно: в центре, на «знатных», оживленных улицах их было больше, но чем дальше от центра, тем реже встречались фонари, пока совсем не исчезали на окраинах. Там в темное время суток был почти полный мрак, нарушаемый лишь слабым светом, падающим из окон жилых домов, и кострами-«грелками» городских сторожей. Каждый масляный фонарь (а их было в 1770-х гг. более 2 тыс., в 1794 г. – 3400) висел на специальном пруте, державшемся на деревянном столбе. Их обслуживала специальная фонарная команда. Унылая фигура петербургского фонарщика стала привычной для горожан, проклинавших эти самые фонари, – светили они тускло (подрядчики сэкономили на масле), часто гасли, забрызгивали одежду прохожих маслом.

На плане Сент-Илера (там, где сейчас стоит памятник Ломоносову на Биржевой линии, между Университетом и Академией) мы видим привычный для Петербурга того времени горбатый бревенчатый широкий мостик с перилами над протокой, текущей с севера, от того места, где ныне стоит Библиотека Академии наук. Другой мостик через канал возле Кадетского корпуса отчетливо поделен на проезжую и тротуарную (правую) стороны. Мостик у Двенадцати коллегий естественно продолжается другим мостом – так в XVIII в. называли вымостку из бревен и досок для движения экипажей и пешеходов по суше (отсюда выражение «мостить улицу»). Таких деревянных мостов

(вспомним раскопки улиц древнего Новгорода и гулкие тротуары на улицах некоторых современных городов русского Севера) было в Петербурге много. Зыбкая, болотистая почва делала улицы в низких местах и особенно у берега речушек и ручьев грязными и труднопреодолимыми. Подобные дощатые и бревенчатые мосты (мостовые) и на проезжей части, и на тротуарах мы заметим на многих листах плана Сент-Илера: одни ведут из низины к сухому, твердому месту, другие, как тропинки, тянутся к постройкам на берегу, сливаются с набережными. Примечательно, что в Петербурге последовательно выдерживалась «горбатость» мостов, необходимая для прохода по воде мелких судов.

Число мостов через реки и каналы во второй половине XVIII в. значительно увеличилось, хотя главным средством переправы оставались бесчисленные лодки перевозчиков. Они группировались обычно в наиболее оживленных местах, и любой человек мог за копейку быстро перебраться на другой берег. Те, у кого денег не было, шли к мостам. На отрывке плана мы видим первый в Петербурге мост через Неву – наплавной (плашкоутный) Исаакиевский. Жители пользовались также мостами Сампсониевским (Гренадерским) и Тучковым, который тогда назывался Никольским. Многие из мостов Петербурга оставались разводными и наплавными. Последние сооружались из цепи стоявших на якоре и связанных между собой барж – плашкоутов. Сверху укладывались бревна и доски, составлявшие покрытие моста. На зиму плашкоуты отгонялись к берегу, а люди передвигались уже по льду. Правда, с 1779 г. главный мост через Неву (Исаакиевский) оставался на месте всю зиму.

В отличие от роскошного каменного центра, окраины, т. е. большая часть Петербурга, по-прежнему были деревянными. В екатерининское время бурная столичная жизнь окончательно переключалась на Адмиралтейскую и Московскую стороны. Здесь, как будто наперегонки, возводились высокие каменные здания, окраины же жили своей тихой, почти провинциальной жизнью. Заглохло место, откуда пошел Петербург, – Городовая сторона, или Петербургский остров (ныне – Петроградская сторона). Историк города И. Г. Георги так описывает Санкт-Петербургский остров, некогда шумный центр молодого петровского Петербурга, превратившийся при Екатерине II в провинциальный городок: «В сей части города улицы широки, прямы, по большей части немощеные, и весною, и осенью очень грязные, в различных положениях, отчего многие пересекаются острыми и тупыми углами. Здесь много садов и пустых мест». В таком же запущенном виде была и большая часть другого несостоявшегося центра Петербурга – Васильевского острова. Лес – вот что по-прежнему оставалось его «архитектурной доминантой», как и видно на плане Сент-Илера. Освоенным, заселенным и даже шумным был восточный угол острова – Стрелка, кварталы первых линий примерно от Невы до Среднего проспекта. Георги пишет: «Пространная восточная сторона имеет с востока к западу три параллельные перспективы, из коих южная называется Большою перспективою, шириною около 50 сажень, и идет от Сухопутного Кадетского корпуса до Кронштадтского залива. Середина сей улицы в городе вымощена, и по обеим сторонам проведены каналы, а за каналами у большей части домов разведены прекрасные, частоколом огороженные сады, кои всей улице придают вид мызы. За городом (обращаем внимание читателей на этот, примененный к Васильевскому острову оборот. – Е. А.) по обеим сторонам сей перспективы находится сырой, разных деревьев и наводнением 1777 года весьма опустошенный лес... Вторая, называемая Среднею перспектива, посредством канала разделяется на две улицы, или линии. Она ведет лесом из города в Галерную гавань...»

Такая же картина представляла перед путешественником, высадившимся с лодки на берег Выборгской стороны: «В сей части одна только главная улица, которая идет по берегу и не везде еще вымощена. Одну часть сей стороны занимает слобода Софийского полка, а другую Гошпитальная слобода; однако ж и прочие дома по большей части малы и похожи на предместные, да и жители упражняются большею частию в скотоводстве и садовничестве». Подобные тихие зеленые улицы были и в Московской части, в Коломне. Здесь на окраинах города, южная граница которого впер-

вые подошла к тому месту, где потом прорыли Обводный канал, в маленьких домиках с огородами и хлевами для коров и мелкой живности жили бедные чиновники, мастеровые, работные люди. Эти дома ничем не отличались от жилья простолюдинов времен Петра Великого.

Мало изменилась и сама жизнь простолюдинья, у которого, как писал французский дипломат Л.-Ф. Сегюр, «нынешний день всегда повторение вчерашнего». Каждое утро тысячи людей с окраин шли на многочисленные стройки города, толпы простолюдинья заполняли его улицы, торговые площади, лабазы, склады, рынки (а их в городе было 14!). Они работали на набережных и каналах, разгружая прибывшие в Петербург барки и возы. В те времена город большей частью снабжался, как Венеция или Амстердам – с воды: более пяти тысяч барок и столько же плотов ежегодно заполняли Неву, теснились в городских каналах. На судах привозили в город продукты, сено, дрова, строительные материалы. Огромные барки со специальными трюмами, позволявшими свободно проходить проточной воде, везли в Петербург живую рыбу (осетров, стерлядей). Последних, впрочем, можно было поймать и перед Петропавловской крепостью, с чего и начинался торжественно летний сезон. И по суше в город приезжали тысячи возов, с Украины и из южной России (Новороссии) в Петербург пригоняли в год не менее пяти тысяч голов крупного рогатого скота, зимой же заставы города пропускали несчетные обозы (тысячи возов) мороженого мяса и другой снеди.

Весь XVIII в. Петербург строился и перестраивался. На гравюрах той поры мы всюду видим рабочих, которые мостят камнем тротуары, обрабатывают гранитные блоки набережных или тащат кирпич по шатким строительным лесам. Весной город наполняли сезонные рабочие: плотники из Новгородской, каменотесы из Олонецкой, мастеровые из других губерний. Улицы на плане Сент-Илера пустынные, но мы-то знаем, что они были полны жизни и движения. Огромный город, с его пестрым населением, смешением разных народов, лиц, сословий, оставлял у наблюдателя странное впечатление. «Петербург, – пишет Сегюр, – представляет уму двойственное зрелище: здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу. С одной стороны, модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона, с другой – купцы в азиатских одеждах, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за ременные пояса. Эта одежда, шерстяная обувь и род грубого котурна на ногах напоминали скифов, даков, роксолан и готов... Но когда эти люди на барках или на возах поют свои мелодичные, хотя и однообразно грустные песни, сразу вспоминается, что это уже не древние свободные скифы, а москвитяне, потерявшие гордость под гнетом татар и русских бояр. Им, однако, не удалось истребить прежнюю мощь и врожденную отвагу этого народа».

Сегюр верно заметил истоки поразительных контрастов Петербурга. Он писал, что ему вдвойне грустно при мысли о Петербурге: из-за опасного соседства моря и от мысли «о безграничном деспотизме его колоссального, но без ограды престола, ибо, вопреки всему обаянию роскоши и художества, там власть ничем не ограничена, навсегда будут только господин и раб, как бы красиво ни именовали их». Немудрено было прийти к такому заключению, читая в газете объявления: «Продается 30-ти лет девка молодая и гнедая лошадь. Их видеть можно...» – и далее указывается адрес. Как писал Н. И. Тургенев, в екатерининское время «в С.-Петербург привозили людей целыми бараками для продажи». Международный авантюрист и развратник Казанова купил молоденькую девушку за ничтожную для него сумму, причем на вопрос, когда можно оформить покупку, его русский спутник ответил: «Хоть сейчас, коли хотите, и вздумай вы набрать себе целый гарем, так стоит лишь молвить одно слово, в красивых девушках недостатка здесь нет». Человеку из Западной Европы были непривычны толпы дворни, жившей в богатых домах помещиков, отвратительные сцены дворянского быта с постоянным унижением людей и даже побоями. Сама Екатерина II, женщина добрая и гуманная, не могла добиться, чтобы слуг не били хотя бы в ее дворце,

а уж что творилось в помещичьих домах, нередко имевших в подвалах или на конюшнях настоящие камеры пыток для «хамов» и «хамок», даже говорить не приходится. Словом, как писал поэт А. М. Городницкий:

*Не первый век и не последний год,
Среди пастушек мраморных и граций,
Здесь русская трагедия идет
На фоне европейских декораций.*

Пожары, как и в первой половине XVIII в., постоянно угрожали городу, застроенному деревянными домами и отапливавшимся печами. В 1763 г. произошел грандиозный пожар на Васильевском острове. Сгорел Гостиный двор, а в 1771 г. огнем были уничтожены несколько линий. Поляхал огонь и на Сенном рынке в 1782 г., горели дома возле Мойки. Противопожарная служба, как и раньше, была делом всех горожан. В каждом доме хранился какой-либо пожарный инструмент: ведро, багор, топор и др. Как только объявлялась тревога, обыватели должны были хватать свои инструменты и бежать к месту пожара. Туда же устремлялись расквартированные в городе воинские части. Командир каждой роты знал, как ему действовать на пожаре. Тушением огня руководил брандмейстер, должность которого была учреждена при полиции в 1763 г. Ему подчинялся целый штат пожарных, которые являлись на пожар с заливными трубами и бочками с водой.

Вообще вода была серьезной проблемой Петербурга. Речь идет не о питьевой воде, которой в черте города было достаточно (чем и объясняется долгое отсутствие в городе водопровода, за исключением водопроводных систем некоторых дворцов). Речь идет о наводнениях, не оставлявших город в покое на протяжении всей его истории и порой угрожавших его существованию. Особенно страшным стало Первое Великое наводнение 1777 г., от которого пострадала беднейшая часть города. Несчастье случилось 10 сентября, как всегда внезапно. Только ученые заметили накануне резкое падение атмосферного давления, что было знаком резкой перемены погоды. После полуночи усилился ветер с запада (стал «жестким»), и в пять утра Нева выступила из берегов «и наводнила мгновенно низменные части города». Высота воды в то утро достигла 310 см выше ординара. Вода поднималась выше в истории города только дважды: во время Второго Великого наводнения 7 ноября 1824 г. (410 см) и во время Третьего Великого наводнения 23 сентября 1924 г. (369 см). В 1777 г. осталась незатопленной лишь самая высокая Литейная часть, а также Выборгская сторона. Остальная территория города оказалась под водой, так что по Невскому и другим улицам люди плавали на лодках. Бешеный ветер с моря нес по воздуху сорванные с крыш листы железа, черепицу, разбивал стекла, выламывал рамы в Зимнем дворце, в котором была тогда императрица. Множество судов и барок, вошедших в Неву, были сорваны с якорей. Они сталкивались и гибли. Другие суда буря выбрасывала на набережные. Как писала Екатерина Мельхиору Гримму, на Дворцовой набережной громоздились трехмачтовые корабли, да и сама набережная оказалась разрушенной. На Васильевском острове один корабль из Любека не просто вынесло на берег, а забросило в стоявший в отдалении лес. Вообще по окрестностям Петербурга (а вода распространилась на расстояние до 11 верст от берега) буря безжалостно ломала вековые деревья и погубила немало строевого леса. Фактически погиб, как сказано выше, Летний сад Петра Великого: множество могучих деревьев повалило, сооружения разрушило водой. Волны разворотили Смоленское кладбище и унесли множество гробов. Более всего пострадали жители приморской части города. Все наши источники говорят о том, что в остроге на взморье погибло около 300 арестантов, которых обычно приковывали к стенам и полам цепями. Вода затопила и унесла в Неву домики бедноты на Васильевском, в Коломне и других местах – возможно, те самые, которые мы видим на плане Сент-Илера.

Когда к полудню того же дня Нева вошла в берега, город представлял собой ужасное зрелище: трупы людей и животных, поваленные заборы, принесенный водой лес и дрова, мелкие и крупные

суда, сломанные деревья – все это громоздилось в невероятном хаосе среди разрушенных домов, у которых были сорваны крыши, разбиты окна. Все погреба и склады оказались затоплены, товар перепорчен, купцы несли огромные убытки. Только рыбы было везде в достатке: после внезапного ухода воды ее находили в самых неожиданных местах: в погребах, подвалах, комнатах, прямо на улице. После этого ужаснувшего современников наводнения власти приняли меры предосторожности на случай будущих бедствий: создали службу предупреждения и систему сигналов, по которым горожане могли бы быстро узнать о надвигающейся беде – новом наводнении. В Коломне, на Пряжке и в других местах были подготовлены гребные суда для спасения и вывоза жителей затопляемых районов города. Впрочем, за период до Второго Великого наводнения 1824 г. оборудование сгнило, а система сигналов забылась.

Просвещение в России XVIII в. понималось прежде всего как поход против суеверия, невежества, как образование и совершенствование людей посредством наук и доброго отношения. Особое место в истории города, где Просвещение нашло свой оплот, занимает один из близких Екатерине людей, Иван Иванович Бецкой. Благодаря его энергии вся российская система образования той эпохи была реформирована на началах просветительской философии. В 1760-х гг. Бецкой провел реформу главного дворянского учебного заведения – Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, создал новые военные школы. Но самым известным начинанием Бецкого стало основание в 1764 г. Императорского общества благородных девиц. Оно разместилось в построенном Б. Ф. Растрелли Смольном Воскресенском монастыре. «Смолянки» – девочки из дворянских семей – получали в этом закрытом заведении, под пристальным надзором французских классных дам, очень хорошее образование. Многие из них были любимицами императрицы и двора, стали завидными невестами и просвещенными хозяйками петербургских салонов. Прелестные лица первых выпускниц Смольного института смотрят на нас с портретов Д. Г. Левицкого в залах Русского музея. Для девиц мещанского происхождения открыли институт при Новодевичьем монастыре, что был основан по Московской дороге. Талантливых детей 5–6 лет брали в образованный Бецким в 1764 г. Воспитательный дом при Академии художеств. Молодежь постарше училась в гимназии Академии наук. Оттуда можно было перейти в университет при Академии, где преподавал М. В. Ломоносов, а позднее читали лекции академики И. И. Лепехин, В. М. Севергин (университет располагался в бывшем дворце Прасковьи Федоровны).

Линии Васильевского острова порой напоминали Оксфорд или Кембридж – столько было здесь разных студентов и учеников. Кроме кадетов Сухопутного шляхетного корпуса, а также Морского шляхетного кадетского корпуса, переехавшего на 3-ю линию в 1733 г., учеников и студентов Академии художеств, Академии наук здесь встречались студенты Горного училища, образованного в 1774 г. на 22-й линии, Учительской семинарии с 6-й линии, ученики Благовещенской и Андреевской школ, частных учебных заведений. Не случайно именно на Васильевском острове, в месте обитания тогдашней петербургской интеллигенции и чиновников, в знаменитом здании Двенадцати коллегий в 1819 г. был открыт Петербургский университет. Отцом начальных школ и учительского образования в Петербурге был выдающийся педагог серб Ф. И. Янкович де Мириево. В 1783 г. он стал директором Главного народного училища, где готовили учителей для всей России. Он же ведал написанием новых учебников, которые выдавались ученикам бесплатно. Образование можно было получить и в частных «вольных» школах и пансионах. Их в Петербурге в 1784 г. было почти пятьдесят. Прекрасных лекарей готовили в хирургической школе при Сухопутном и Морском госпиталях на Выборгской стороне, в Медицинском училище на Фонтанке, а также в школе при Аптечном огороде.

Настоящему петербуржцу, любящему свой город, можно «путешествовать» по плану Сент-Илера бесконечно. Невольно испытываешь волнение и удовольствие, глядя на старинные петербургские уголки, которые сейчас преобразились, живут своей современной жизнью, но узнаваемы нами. Так в лицах наших уже давно повзрослевших детей мы угадываем трогательные и памятные,

навсегда детские черты. Кажется, меньше всего изменилась набережная Невы вдоль южной стороны Васильевского острова. Вот здание Академии – бывший дворец царицы Прасковьи (теперь здесь здание Зоологического музея), дальше – Кунсткамера без знакомого медного глобуса, потом на плане пропуск. Как будто оставлено место для Д. Кваренги, который в 1783 г. заложит здесь знаменитое главное здание Академии. Ниже по Неве – здание Двенадцати коллегий, дворец Петра II и т. д. Время донесло до нас и оригинальную застройку набережной Большой Невы (ныне набережная Лейтенанта Шмидта). Нева не позволяла выстроить здесь дома сплошной ровной «фасадой», как на Адмиралтейской набережной. Поэтому дома уже с петровских времен стояли уступами, следуя изгибу берега Невы. Такая редкая застройка называлась строчной и была вызвана тем, что участки, на которых возводились дома, имели принятую в Петербурге «регулярную» прямоугольную форму. Ее и повторяли стоявшие в «челе» участков дома. План Сент-Илера как нельзя лучше демонстрирует эту строчную застройку, дошедшую до наших дней. Историк испытывает волнение, видя на плане исчезнувшие или позже существенно перестроенные дома, дворцы, в которых жили исторические личности, происходили события, изменившие судьбу города и даже страны. Вот лист с изображением Летнего дворца императрицы Елизаветы Петровны на берегу Фонтанки. Из этого самого дворца цесаревна в ночь на 25 октября 1741 г., надев кавалерийскую кирасу, поехала в санях через также видный на плане Пантелеймоновский мост в слободу Преображенского полка, чтобы поднять гвардейцев на мятеж. Здесь, в этом же дворце, накануне своего отчаянного шага, она горячо молилась и дала клятву, что никогда не будет подписывать смертные приговоры. И клятву эту Елизавета сдержала. Позже, в 1754 г., в этом же здании у жены наследника престола Петра Федоровича Екатерины Алексеевны родился мальчик Павел. Став через 42 года императором Павлом I, он приказал снести дворец и заложил на его месте Михайловский замок, где вскоре и нашел свою ужасную смерть – на том же самом месте, где когда-то родился! Обо многих аксонометрических изображениях на листах Сент-Илера можно рассказывать подобные истории – ведь этот план, как машина времени, волшебным образом переносит нас в бесконечно далекое и, казалось бы, навсегда утраченное прошлое Санкт-Петербурга.

*Е. В. Анисимов,
доктор исторических наук,
профессор*